

Там, где находится сейчас Карачи — молодая столица Пакистанской республики, всего сто лет назад лежали мангровые болота приморья, скалистые безлесные холмы да сыпучие пески пустыни. Лишь на прибрежном острове Манора располагался небольшой рыбачий поселок белуджей. В 1839 году в Карачийскую бухту вошли английские военные корабли. Огонь их пушек сравнял с землей слабо защищенную деревушку. Так колонизаторы «заложили» первый камень города Карачи (в переводе — «земля песчаных дюн»).

В 1843 году генерал Чарльз Нэпиер, покоритель и первый губернатор Синда, перенес свою резиденцию из Хайдарабада на серые островки Карачийской бухты.

Резиденция быстро обросла зданиями правительственных учреждений и полицейских участков, роскошными особняками колонизаторов. Появились церкви для пришедших сюда христиан и мрачная сырая тюрьма за высокой каменной оградой — для покоренного народа.

На острове Киамари закладывался торговый порт, а на месте уничтоженного поселка Манора стала вырастать английская военно-морская база — трамплин для порабощения северо-западных районов Индии и завоевания Афганистана. Во второй половине XIX века от причалов порта щупальцами спрута протянулись в глубь страны рельсы железной дороги.

Поливаемый потом и кровью людей, на костях покоренного и угнетенного народа Индии рос и однобоко развивался Карачи — хозяйственный и административный центр Синда, сохранявший на своем молодом теле многочисленные хронические язвы колониализма.

1. «ЛАСТОЧКИНЫ ГНЕЗДА»

Раздел бывшей английской колонии Индии на два государства в августе 1947 года несказанно обострил трагедию Карачи. Кровавая индо-мусульманская резня, спровоцированная колонизаторами, толкнула на территорию Синда огромные потоки беженцев из всех провинций Индии. Охваченное страхом и отчаянием индусское население Керачи торопливо отхлынуло в Индию, бросая впопыхах свой скраб, движимое и недвижимое имущество. Если в 1941 году индусы составляли в городе большинство, то в 1951 году их осталось здесь лишь 0,4 процента. Зато мусульманское на-

селение города возросло за счет беженцев примерно на 800 тысяч человек. Так, с необычайной быстротой, в один-два года, общая численность жителей Карачи достигла 1122 тысяч.

Беженцы селились на городских пустырях. Из чего только не делались жилища бедняков, названные карачийцами «ласточкиными гнездами»! Перемешанная с мусором глина, отбросы ржавой жести, сгнившие обрывки одежды, куски старой фанеры, пучки камыша и соломы, обломки песчаника и известняка — все шло в ход для сооружения беззаконных лачуг, где можно было бы укрыться от изнуряющего солнечного зноя и горячих ветров Раджпутанской пустыни. А сколько тысяч людей проводило ночи на асфальте улиц, укрываясь лишь лохмотьями грязной одежды...

С тех пор прошло одиннадцать лет. Но проблема расселения беженцев по-прежнему остается жгучей. Скромное жилищное строительство, развернутое правительством, породило искры надежды среди бедняков. Но разве могут немногие кварталы низеньких домиков из бетона или саманного кирпича удовлетворить колоссальную нужду в жилье! Надежды быстро тают, сменяясь нарастающим рокотом недовольства.

Десятки тысяч семей беженцев продолжают жить без электрического света, без санитарных узлов, без топлива и воды. В душном смраде спят в тесных матерчатых люльках грудные дети. В лачугах нет ни кроватей, ни табуреток, ни даже скамей. Одна-две прокопченные кастрюли, несколько глиняных горшков и мисок — вот и все имущество. Поодаль от лачуги, на улице, дымится небольшой костер под горшком с постной крупяной похлебкой. Кое-где дремлет у порога неприхотливый ослик или одинокая коза, реже — худая коровенка. Но таких «богачей» немного. Дети трущоб в лоскутных рубашках или вовсе без них монотонно повторяют: «Саб, бакшиш», «Саб, бакшиш», — хлопая себя при этом тощей ручонкой по впалому животу. Нередко и женщины протягивают руку за подаванием, стыдливо прикрывая лицо сари или набрасывая на глаза паранджу.

До сих пор в городе не разрешена проблема водоснабжения. В сухие, жаркие летние месяцы тают запасы воды в источниках. В целых районах высыхают водопроводные трубы. Задолго до рассвета выстраиваются очереди женщин, детей и мужчин с ведрами и кувшинами в ожидании, когда подвезет воду цистерна муниципалитета.

Безработица — страшный бич беженцев. Тысячи их бродят по городу в поисках хотя бы временной работы. Они счастливы, когда проработают три дня в неделю на битье щебенки или на прокладке новых улиц и получают полторы-две рупии за восемь часов тяжелого труда. Люди настолько обессилены и истощены, что у одной лопаты на копке земли стоит по два человека. Один держится за ручку лопаты и втыкает ее в грунт, другой дергает за приязанную к черенку веревку, помогая перебрасывать подхваченную на лопату землю.

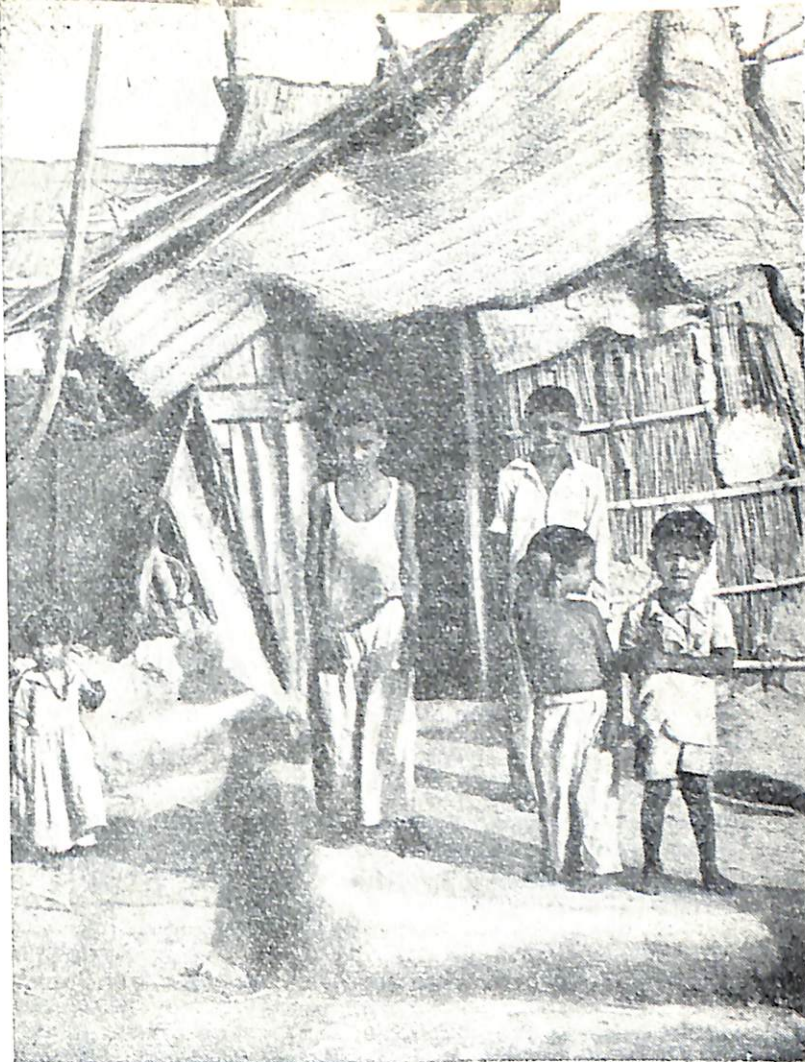
2. «МЛАДЕНЕЦ» ВСТАЕТ НА НОГИ

Карачи-город рос сто с лишним лет, но Карачи — промышленный центр до последнего времени оставался младенцем. В городе не было ни одного крупного промышленного предприятия, если не считать цементного и нескольких мыловаренных заводов и солеварен. Но и они находились под финансовым контролем иностранных коммерческих фирм «Давид Сасунский», «Релли бразерс», «Маккинон Макензи», «Форбез Камбел», «Кокс энд Кингз» — безраздельных монополистов в экономике Синда.

Провозглашение независимости страны расчистило путь для приложения капитала в промышленность. Ожили окраины Карачи. Задымили высокие трубы текстильных фабрик.

Некоторые фабриканты настойчиво стремятся приобрести цеховое оборудование в СССР и других странах социалистического лагеря. Ведь оно и по качеству хорошо, и по цене дешево, а главное — не требуются доллары и фунты, которых нет в стране, — можно уплатить пакистанскими рупиями. Но купить его не удастся. Властная рука из-за океана твердо держит руль курсом на Запад. Да только ли об оборудовании идет речь! Национальные предприятия опутаны крепкой паутиной зависимости от империалистов-колонизаторов и в отношении сырья и энергии.

Местные фабриканты и заводчики любят поговорить с рабочими о так называемом исламском равенстве, показать, что они не империалисты-эксплуататоры, а «добрые соотечественники», которые пекутся лишь о благе страны. На первый взгляд, это не только слова. Фабрикант Давуд, например, наряду с корпусами прядильных и ткацких цехов на своей фабрике в Ланди покажет вам и общежитие для рабочих, и магазин с «твердыми» ценами на товары, и недорогую столовую, и школу для взрослых, и библиотеку, и теннисный корт, и бассейн на фабричном дворе, и даже «дом отдыха»

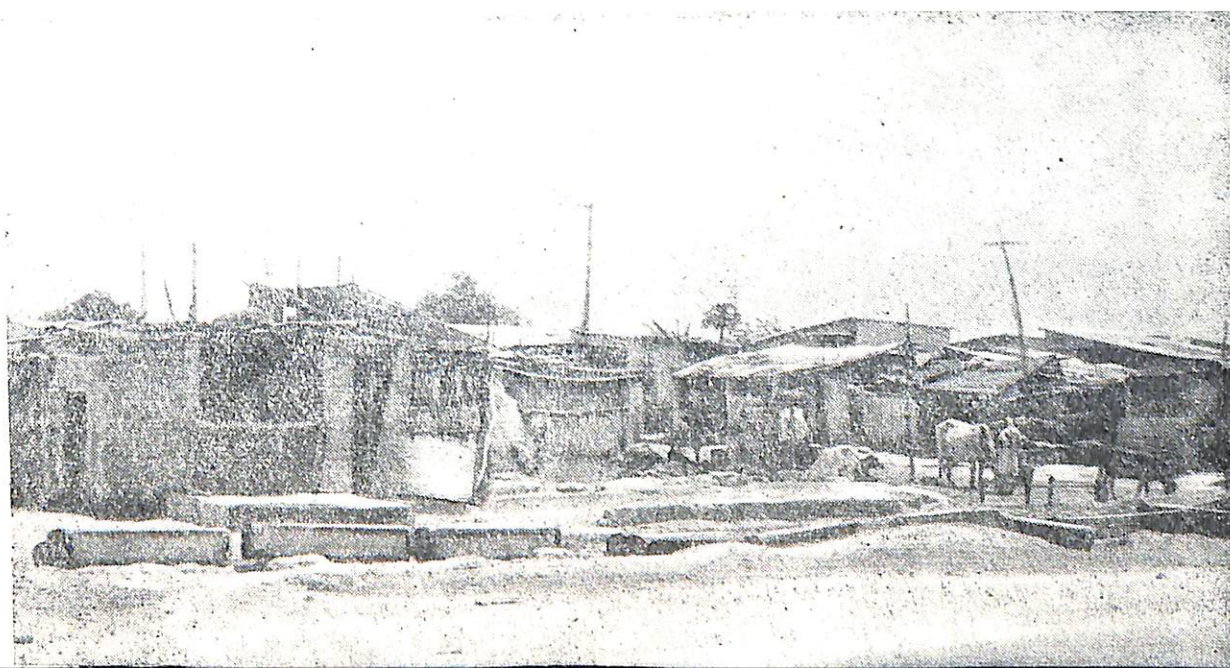

Так живут тысячи семей беженцев, прибывших из Индии в 1947—1948 годах.

тут же, на фабрике. Но все это не что иное, как реклама, на которую капиталист уделяет микроскопически малые суммы от прибылей.

В фабричном общежитии с комнатами на трех-четырех человек проживает лишь 250 холостяков, а тысячи рабочих семей живут в трущобах или в глинобитных приземистых хибарках в окрестностях фабрики. Во время перерыва сотни людей толпятся в очереди за удешевленным обедом, а больше тысячи сидят на корточках у своих станков и пережевывают пресные пшенич-

«Ласточкины гнезда».

ные чапаты, принесенные в тряпицах из дому. Не всякий может пользоваться «дешевой» фабричной столовой, когда за восьмичасовой труд у станка получаешь две-три рупии, а надо прокормить троих, а то и четверых детей, жену, престарелых родителей да еще помочь безработным родственникам. Ежедневно руки рабочих фабрики создают около 89 тысяч метров хлопчатобумажных тканей, и производство каждого метра в среднем обходится в восемь-двенадцать анна. А на рынке метр ткани продается за несколько рупий. Вот тут-то и проявляется подлинный смысл «исламского равенства» и «гармоничных отношений» рабочего со своим работодателем.

3. ЯНКИ И ЗДЕСЬ ДЕЛАЮТ БИЗНЕС

На улицах Карачи много машин с лаконичной надписью у номерного знака: «Армия США. Инженерный корпус». На легковых автомобилях с этим знаком разъезжают американские военные «инженеры» в гражданской одежде. Грузовики «инженерного корпуса» везут железо, везут бетон на строящиеся и расширяемые аэродромы в пригородах Карачи и в других городах страны. Военные базы нужны США, а тратить приходится бюджетные рупии. В конторах пакистанских городов—сотни американских «экспертов», «советников», «специалистов». Их надо содержать, выплачивая каждому тысячи рупий. Но янки не только получают жалование. Свое пребывание в Пакистане они используют более продуктивно: ведь американцы—люди бизнеса. Что стоит, например, перебросить контрабандой из США в Карачи на самолете или на пароходе под видом неприкосновенного дипломатического багажа автомашину, пару холодильников, несколько кусков нейлона или партию авторучек? Их легко можно переправить с аэродрома в Маурипуре на черный рынок, а десятки, сотни тысяч обесцененных рупий, «заработанных» на этой спекуляции, обменять на американские доллары

по условиям соглашения о военной и экономической «помощи» с правительством Пакистана. Такого одно из наиболее ярких проявлений «помощи» США. Не удивительно, что каждый раз после утверждения бюджета Национальным собранием на плечи народа ложится новая ноша возрастающих налогов и поднимающихся цен на товары...

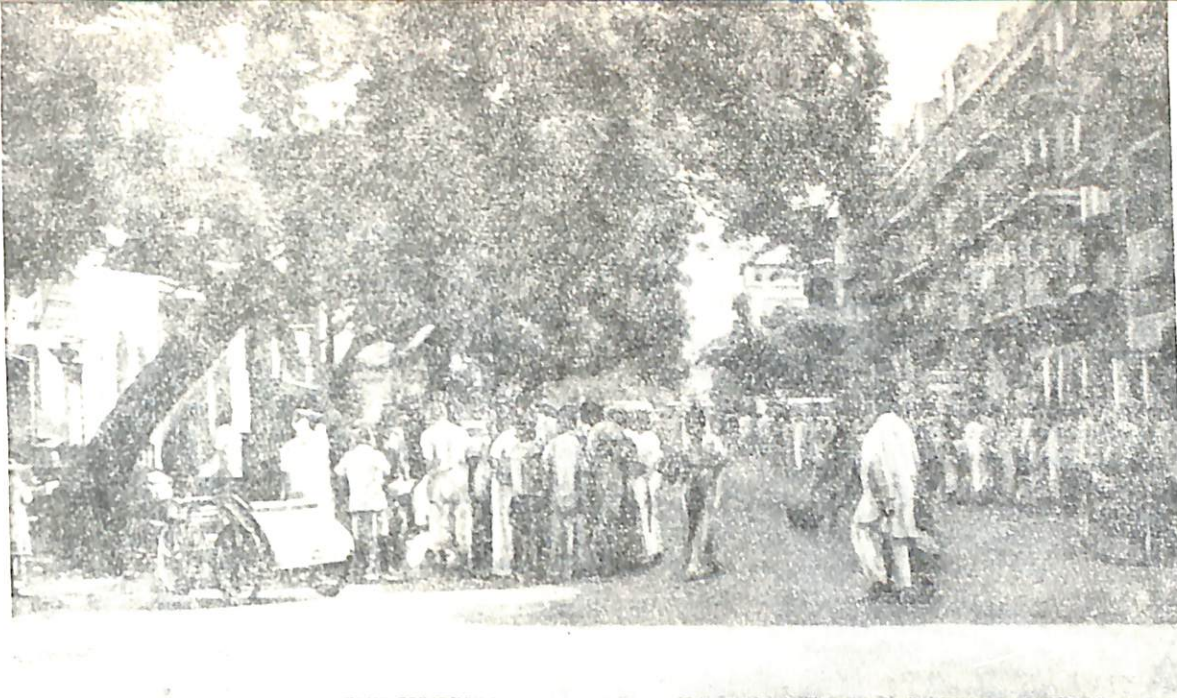
«Нечем торговать, нечего и некому продавать, совсем нет бизнеса,—тяжело вздохнув, скажет владелец магазина, когда его спросишь, как идет торговля.—Правительство не дает лицензий,—говорит, нет валюты». Конечно, иногда попадаетесь и такой бизнесмен, который в ответ на вопрос, как идут дела, энергично потирая руки, похвастается, что у него очень хороший бизнес. Но это обычно те пронырливые дельцы, которые спекулируют на трудностях страны и ловко приумножают свои доходы путем грязных махинаций.

4. ШКОЛА В ПРОЛЕТАХ МОСТА

Стремясь утвердить и упрочить систему колониализма, англичане намеренно тормозили развитие народного образования. В течение многих десятков лет в Карачи существовал только один колледж, где молодежь могла получить высшее образование. Он был создан в 1887 году на деньги, собранные по подписке, проведенной по инициативе индийского просветителя Даярама Джетмала, именем которого он и назван. Лишь в 30-х годах в колледже начали преподавать точные науки, но геология и география полностью игнорировались до последнего времени. Открытые при колонизаторах высшие учебные заведения Карачи—всего пять колледжей—в основном создавались на благотворительные средства, а не на бюджетные ассигнования английского правительства в Индии. Лишь накануне раздела, в 1947 году, Законодательное собрание Синда вынесло решение о создании университета. Независимость несколько ускорила развитие обра-

Школа в пролетах моста.

Карачи. Виктория-роуд.

зования. Если до 1947 года в Карачи насчитывалось всего 50 средних школ, то в 1954/55 году их стало 83. К 1956 году в городе открылось 10 новых колледжей. Система просвещения перешла в ведение провинциальных правительств. И все же дело движется вперед недопустимо медленно. Отстроенных школ и открытых колледжей крайне недостаточно для столицы с более чем миллионным населением. Десятки тысяч детей подрастают, так и не переступив школьного порога. Одни не учатся потому, что родителям нечем платить за учебу. Другие уже с пяти-шестилетнего возраста должны помогать семье, рано приобщаясь к тяжелому физическому труду или к нищенству. Многие не учатся и потому, что нигде учиться, нет школ.

В городе много патристически настроенных людей, горячо любящих свой народ, верящих в силу просвещения народа. В меру скромных сил своих они стараются снять пелену тьмы с глаз подрастающего поколения и нести свет в массы. Отрадно видеть, что в рядах таких людей шагают и женщины-пакистанки. Усилиями женской ассоциации, в частности, созданы школы, в которых обучается несколько тысяч детей. Есть такие школы и в Карачи. Конечно, советскому читателю трудно поверить, что они размещаются... в пролетах большого моста через железнодорожные пути в центре города. Высокие каменные своды пролетов загорожены бамбуковыми палками, затянуты кусками выгоревшей материи, заколочены листами обветшавшей фанеры. Над входом белеют буквы: «Школа для мальчиков. Всепакистанская женская ассоциация». Соседняя надпись говорит о том, что рядом находится такая же школа для девочек.

Даже раскаленные добела лучи карачийского солнца почти не проникают под своды моста. В классах, отгороженных друг от друга матерчатой ширмой, темно. Ученики младших классов сидят на полу, те, что постарше, — за столами. На стенах развешаны бедные учебные пособия. На классной доске старательно выведены учителем слова на урду. С появлением незнакомого посетителя дети встают и бодро салютуют. Смотришь с волнением в светящиеся глаза мальчиков и думаешь: «Пусть темно в вашем классе, но вам станет светлее, дорогие ребята». От всего сердца хочется пожелать им узнать побольше, пожелать скромным учителям больших успехов в их благородном труде, который про-

текает в таких трудных условиях. И незолго приходится на ум громадные суммы из бюджета страны, бросаемые под жернов военных приготовлений в интересах империалистов, в то время как на просвещение выделяются гроши.

Когда впервые прибываешь в столичный город, возникает законное желание увидеть памятники культуры, отдать течению культурной жизни города, а вместе с тем и всей страны. Но Карачи скорее может познакомить туриста со следами владычества колонизаторов, нежели с памятниками национальной культуры.

Если, спасаясь от безжалостного зноя, вы зайдете в городской сад в центре города, то узнаете, что он называется по имени одного из колонизаторов — «Беонс-гарден». Если, сойдя с борта парохода, вы поедете на автомашине по Нэпиер-Мол-роуд, вам может броситься в глаза гранитный монумент в виде обелиска. Это памятник покорителю Синда — Чарльзу Нэпиеру. На одной из центральных площадей, при слиянии двух улиц, стоит высокая башня. Она называется башней Меревезера (Меревезер-тауэр) — по имени английского полковника.

В центре города, среди горделивых кокосовых пальм со вскинутым к солнцу веером резных листьев, находится одно из лучших зданий Карачи, построенное в 60-х годах прошлого века, в венецианско-готическом стиле. Оно называется Форе-холл: дом возведен в честь губернатора провинции Бомбей. Сейчас здесь помещается городской музей и небольшая библиотека, но прежнее название сохранилось... В саду музея — мраморные памятники королеве Виктории и королю Эдуарду. Так пришельцы с Британских островов стремились увековечить колониализм, заставляли поработавший народ запоминать имена его поработителей.

Но времена безраздельного господства колониализма ушли в прошлое, а безмолвные памятники британского владычества на улицах Карачи уже неспособны задушить поросль новой жизни, поросль, которая со временем разрастется и покроет своими буйными ветвями «Землю песчаных дюн».

Карачи, сентябрь-октябрь.